

Научная статья

УДК 339

JEL F15, L51, O25

DOI 10.25205/2542-0429-2022-22-4-79-93

Вопросы евразийской промышленной кооперации в контексте сбалансированности национальных интересов

Хаслан Камекович Кусаинов¹
Салтанат Абдиманап кызы Жумабекова²

¹МАИН
Астана, Республика Казахстан

²АО «Казахстанский центр индустрии и экспорта “QazIndustry”»
Астана, Республика Казахстан

¹khk47@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6561-700X>
²salta_zh@mail.ru

Аннотация

В успешном развитии интеграционных процессов ключевая роль отводится политике обеспечения кооперации промышленных комплексов государств – членов объединения Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз). Вместе с тем анализ исполнения мероприятий Основных направлений промышленного сотрудничества (ОНПС) в рамках ЕАЭС и в целом итогов первой пятилетки (2015–2019 гг.) показывает, что не все поставленные задачи решались в полной мере и на должном уровне. Эта тенденция прослеживается и на нынешнем этапе реализации действующей программы ОНПС на вторую пятилетку (2020–2024 гг.).

В этой связи в статье исследуются проблемные вопросы, связанные с недостаточными темпами развития процессов промышленной кооперации в Союзе.

На основе анализа развития процессов промышленной кооперации раскрыть имеющиеся место нюансы, сопряженные с несовершенством механизмов и инструментов обеспечения сбалансированности общих и национальных интересов, с непоследовательностью в соблюдении изначально задекларированной интеграционной повестки.

Конструктивный анализ этих проблемных аспектов в контексте сопоставления с опытом промышленной кооперации ведущих мировых объединений стран позволяет обозначить ряд предложений по направлениям необходимой целесообразности: 1) реального формирования цепочек добавленной стоимости (ЦДС) по совместному производству товаров Союза; 2) соблюдения принципов: взаимовыгодного паритета в производственных и финансовых взаимоотношениях для экономических субъектов (предприятий) государств – членов Союза, участвующих в формировании и развитии ЦДС; обеспечения равной конкурентоспособности кооперируемых предприятий на национальных и общем рынке Союза; исключения искусственных барьеров в торговле между государствами – членами Союза; 3) совершенствования методического подхода к повышению эффективности программных мер в области межгосударственной

© Кусаинов Х. К., Жумабекова С. А., 2022

промышленной кооперации на основе возможного применения известной оптимизационной межотраслевой межрегиональной модели (OMMM).

Ключевые слова

Евразийский экономический союз, промышленная кооперация, непротиворечивость наднациональных и национальных интересов

Для цитирования

Кусаинов Х. К., Жумабекова С. А. Вопросы Евразийской промышленной кооперации в контексте сбалансированности национальных интересов // Мир экономики и управления. 2022. Т. 22, № 4. С. 79–93. DOI 10.25205/2542-0429-2022-22-4-79-93

Issues of Eurasian Industrial Cooperation in the Context of Balancing National Interests

Khaslan K. Kusainov¹
Saltanat A. Zhumabekova²

¹MAIN

Astana, Kazakhstan

²Kazakhstan Industry and Export Center “QazIndustry”

Astana, Kazakhstan

¹khk47@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6561-700X>

²salta_zh@mail.ru

Abstract

In the successful development of integration processes, a key role is assigned to the policy of ensuring cooperation of industrial complexes of the member states of the Eurasian Economic Union (EAEU, Union). At the same time, an analysis of the implementation of measures in the Main Areas of Industrial Cooperation (MAIC) within the EAEU and, in general, the results of the first five-year plan (2015–2019) shows that not all the tasks set were fully and at the proper level. This trend can also be traced at the current stage of the implementation of the current MAIC program for the second five-year period (2020–2024). In this regard, the article examines problematic issues related to the insufficient pace of development of industrial cooperation processes in the Union.

Based on the analysis of the development of industrial cooperation processes, to reveal the nuances associated with the imperfection of mechanisms and tools to ensure the balance of common and national interests, with inconsistency in compliance with the initially declared integration agenda.

A constructive analysis of these problematic aspects in the context of comparison with the experience of industrial cooperation of the world's leading associations of countries allows us to identify several proposals in the areas of necessary expediency: 1) the real formation of value-added chains (VAC) for the joint production of goods of the Union; 2) compliance with the principles of mutually beneficial parity in production and financial relations for economic entities (enterprises) of the member States of the Union participating in the formation and development of VACs; ensuring equal competitiveness of cooperative enterprises in the national and common market of the Union; exclusion of artificial barriers to trade between the member States of the Union; 3) improving the methodological approach to improving the effectiveness of program measures in the field of interstate industrial cooperation based on the possible application of the well-known optimization inter-sectoral interregional model (ISIM).

Keywords

Eurasian Economic Union, industrial cooperation, consistency of supranational and national interests

For citation

Kusainov Kh. K., Zhumabekova S. A. Issues of Eurasian Industrial Cooperation in the Context of Balancing National Interests. *World of Economics and Management*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 79–93. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0429-2022-22-4-79-93

Для постсоветских стран самая болезненная тема была связана с усилиями по самостоятельному преодолению кризисных явлений в экономике, вызванных одномоментным разрушением практически всех хозяйственных связей, что наложило сильные ограничения на процессы становления и развития национальных промышленных комплексов.

Сегодня страны экономически окрепли, восстановили и наращивают производственный потенциал, однако надо признать, что в современных условиях глобализации неизмеримо вырастает международная конкуренция на мировых и региональных рынках, что определяет исключительную актуальность инициированных государствами – членами ЕАЭС процессов промышленной кооперации в рамках масштабного программного подхода: реализованы «Основные направления промышленного содействия на 2015–2019 годы» (далее – ОНПС-1) и в настоящее время осуществляются мероприятий по исполнению задач ныне действующих «Основных направлений промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2025 года» (далее – ОНПС-2).

С научной точки зрения важно осмыслить, в какой мере механизмы и инструменты позволяют обеспечить реальную кооперацию, исходя из целевой задачи объединения потенциалов национальных промышленных комплексов на принципах взаимного дополнения и взаимного усиления конкурентных преимуществ, а также позиций реализуемости принципа обратной связи в управлении сложными социально-экономическими системами, имея в виду потенциал возможностей по внесению необходимых изменений и дополнений в эти механизмы и инструменты регулирования процессов промышленной кооперации.

Необходимо иметь в виду, что данные документы не являют собой классический пример программного подхода в управлении, поскольку как цели, так и задачи, а также ресурсное обеспечение не носят оцифрованный характер, т.е. не обозначены конкретными количественными показателями. Тем самым обозначенные в документах индикаторы носят общий характер, что обуславливает условность анализа тенденций в развитии промышленной кооперации.

Как следствие, анализ ежегодных докладов Евразийской экономической комиссии¹ (далее – ЕЭК, Комиссия) позволяет сделать вывод о том, что индикаторы в совокупности не дают полного представления о реальных процессах развития объединения.

В частности, индикатор «*Ускорение темпов роста промышленного производства в государствах-членах*», который, по сути, является обобщающим показателем реализации мероприятий по обеспечению промышленной кооперации, и его анализ выполнения позволяют отметить следующие нюансы:

– с одной стороны, данный индикатор предоставляет возможность констатировать выполнимость задачи устойчивого роста промышленного производства. Так, к примеру, член Коллегии (министр) по промышленности и агропромышленному комплексу Комиссии А. Камалян на заседании очередного Консультативного

¹ Евразийская экономическая комиссия (2017, 2018, 2019). Доклады о результатах ежегодного мониторинга и анализа реализации ОНПС в рамках ЕАЭС; Департамент промышленной политики ЕЭК (2020). Развитие промышленных комплексов государств – членов ЕАЭС в январе-декабре 2019 года; Евразийская экономическая комиссия (2020). Доклад о результатах мониторинга рынка промышленной продукции в рамках Евразийского экономического союза.

комитета по промышленности ЕЭК в сентябре 2020 г. отметил, что «по итогам реализации Основных направлений в 2015–2019 годах ...были достигнуты положительные результаты по всем показателям, предусмотренным документом. В частности, объем промышленного производства в ЕАЭС вырос на 12,2 %, в том числе в обрабатывающей промышленности – на 13,8 %»².

В этой связи необходимо подчеркнуть, что подобный «макроподход» к оценке развития приводит к упущению некоторых аспектов, которые можно выявлять и прослеживать при «микроподходе» в формате пошагового анализа – месяц к месяцу, квартал к кварталу, год к году, что может приводить к иным выводам и, как следствие, к более актуальным решениям.

Действительно, как показывает анализ макропоказателей в динамике по годам, на самом деле нет устойчивой тенденции роста промышленного производства. В частности, после достаточно высокого роста производства в 2017 г. – от 2,1 % в России до 12,3 % в Армении, в 2018-2019 гг. во всех государствах-членах произошло замедление темпов прироста, а в 2020 г. – уже имел место спад промышленного производства для всех государств-членов: в Казахстане и Беларуси – на 0,7 %; в Армении – на 0,9 %; в России – на 2,9 %; в Кыргызстане – на 6,6 %, а в целом по ЕАЭС – на 2,7 %³.

С другой стороны, индикатор не позволяет конкретно оценить реальный вклад совместных усилий в промышленное развитие государств-членов в условиях их неизбежного вовлечения в орбиту масштабной российской экономики. В последнем может убеждать тот факт, что практически тождественны динамика и темпы развития российской промышленности и в целом промышленности ЕАЭС.

Не в полной мере «работает» и индикатор *«Сокращение отставания в уровне производительности труда по валовой добавленной стоимости между государствами-членами»*, имея в виду регулярные декларации в ежегодных докладах о тенденции устойчивого выравнивания Сторон по этому показателю.

В частности, по итогам 2017 г. Комиссией опять отмечалось, что всеми государствами-членами обеспечено наращивание уровня производительности труда, что свидетельствует о постепенном сокращении отставания в уровне производительности между государствами-членами. Однако расчеты показывают, что это далеко не так: разрыв между наилучшим и наихудшим показателями стал еще больше, составив 5,17 раза, по сравнению с 2016 г. – в 4,8 раза, а в 2018 г. разрыв возрос до 5,23 раза.

Другими словами, декларируется выравнивание, в реальности же имеет место растущий разрыв. И это объяснимо, если иметь в виду различия в технологических уровнях производства и квалификации живого труда в государствах – членах Союза.

Значение индикатора *«Наращивание объемов кооперационных поставок и в целом взаимной торговли промышленной продукцией»* трудно переоценить

² Промышленное производство в ЕАЭС за пять лет выросло на 12,2% – http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/24_09_2020-2.aspx.

³ Евразийская экономическая комиссия (2020). Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник.

с точки зрения важности развития кооперационных процессов для качественной интеграции промышленных комплексов государств – членов Союза.

Анализ результатов мониторинга показывает, что интеграционные процессы в рамках Союза оказывают позитивное влияние на развитие промышленной кооперации между государствами-членами, в результате чего рост кооперационных поставок в ЕАЭС опережал темпы промышленного производства, увеличившись в 2016 г. на 1,2 % против 0,9 % прироста промышленного производства, в 2017 г. – на 30 %, что было также выше и наращивания объемов кооперационных поставок государств-членов во внешней торговле с третьими странами (21,6 %), в 2018 г. и в 2019 г. – на 8,8 %, в то время как промышленное производство выросло соответственно на 2,9 % и 2,5 %.

Вместе с тем можно констатировать, что не происходят качественные изменения в кооперационных связях.

В частности, как отмечают эксперты ЕЭК, по итогам реализации ОНПС-1 не произошло существенных изменений в отраслевой структуре взаимных кооперационных поставок между государствами – членами Союза. Поставки в основном сосредоточены не в высокотехнологичных отраслях и охватывают продукцию отраслей с невысоким уровнем передела, а именно – продукцией металлургии, химической промышленности, резиновыми и пластмассовыми изделиями, неметаллической минеральной продукцией, за исключением небольших объемов кооперационных поставок комплектующих для производства автотранспортных средств и электрооборудования, электронного и оптического оборудования.

Прочие отрасли машиностроения не задействованы в части кооперационных поставок, с одной стороны, ввиду недостаточной развитости отраслей машиностроения в Армении, Казахстане и Кыргызстане, что является, на взгляд экспертов Комиссии, долгосрочным следствием нерациональности в разделении труда в советской плановой экономике, а с другой стороны – в связи с тем, что машиностроительные предприятия в своей основе ориентированы на поставки комплектующих из третьих стран (Китая, стран ЕС, Японии, США), поскольку производство базируется главным образом на иностранных технологиях и оборудовании.

В этом плане можно отметить, что за время существования ЕАЭС и реализации ОНПС-1 имела место тенденция роста импорта промежуточных товаров в Союз. Так, по сравнению с 2015 г. этот импорт возрос на 38,2 %. При этом экспорт подобных товаров растет более низкими темпами и его рост за этот же период времени составил 23,4 %. Это является свидетельством того, что ЕАЭС в целом остается в зависимости от поставок импортных запчастей и комплектующих⁴.

Последнее обстоятельство определяет возможности для стимулирования совместных усилий по встраиванию промышленных комплексов стран – членов Союза в глобальные цепочки добавленной стоимости (ЦДС) в части производства и реализации совместно производимых товаров (или товаров Союза). В свою очередь, совместно производимые предприятиями государств – членов Союза товары

⁴ Евразийская экономическая комиссия (2020). Доклад о результатах мониторинга рынка промышленной продукции в рамках Евразийского экономического союза, с. 73, 83.

могут и должны определять платформы для формирования и развития внутренних цепочек добавленной стоимости.

В контексте индикатора *«Увеличение доли продукции стран – участниц ЕАЭС на общем рынке, в том числе совместно произведенной, а также осуществление поэтапного повышения уровня ее локализации»* видится нацеленность прежде всего на решение проблемных задач импортозамещения.

Вместе с тем в 2019 г. экспорт ЕАЭС в третьи страны снизился на 8,1 %, а импорт вырос на 4,4 %. На этом фоне, на наш взгляд, несколько натянутым выглядят выводы Комиссии о том, что реализация национальных программ импортозамещения привела к существенному сокращению импорта промышленной продукции в государства – члены объединения из третьих стран. К примеру, импорт из третьих стран в Казахстане в 2019 г. увеличился на 22,2 %.

Национальные программы импортозамещения в режиме интеграции реализуются без должного эффекта по причине их негармонизированности между собой, в том числе и с российской программой, которая была в спешном порядке сформирована в условиях введения международных санкций.

Наряду с этим данный индикатор не дает представления о достигаемой степени локализации промышленного производства. Соответственно в ежегодных докладах о результатах мониторинга ОНПС-1 результаты не находят должного отражения. И это несмотря на то, что имеют место проблемы в нормативной правовой базе по учету комплектующих в рамках процессов взаимных кооперационных поставок, что немаловажно для оценки уровня локализации.

Нет сомнений в том, что задача *увеличения удельного веса высокотехнологичных видов деятельности в промышленном производстве* важна для наращивания конкурентных преимуществ промышленных комплексов государств – членов объединения.

Вместе с тем, по нашему мнению, методически не совсем корректно проводится оценка соответствующего индикатора. Действительно, если показатель удельного веса высокотехнологичных видов деятельности в промышленном производстве для целей настоящего анализа объективно можно определить как отношение суммарного объема выпуска продукции отраслей, определенных как высокотехнологичные, к общему объему производства продукции обрабатывающей промышленности, то сами эти отрасли выбираются по объемам затрат на НИОКР в пересчете на валовую добавленную стоимость.

Отсюда и перекосы, которые могут иметь и имеют место в оценках изменений уровней технологичности для обрабатывающей промышленности некоторых государств – членов Союза. В частности, с этим связана некорректность вывода Комиссии о снижении технологичности промышленного производства в Казахстане в целом из-за снижения производства в автомобилестроении. Однако в реальности вклад этой отрасли в валовую добавленную стоимость обрабатывающей промышленности Казахстана не столь критичен, чтобы влиять на уровень технологичности всего производства.

В целом же анализ динамики индикаторов позволяет сделать вывод: индикаторы не в полной мере характеризуют всю полноту и глубину решения ключевых задач сопряжения промышленных комплексов государств – членов объединения.

В особенности в части отражения качественных аспектов промышленной кооперации, определяемых в первую и главную очередь степенью влияния на развитие промышленных комплексов государств – членов Союза.

Безусловно, последнее трудно объективно оценить ввиду длительного влияния международных санкций на стержневую для Союза российскую экономику, что косвенно сказывается и на экономике государств – членов объединения, тем более в нынешних условиях более масштабного и все более нарастающего санкционного давления.

Тем не менее с реализацией политики промышленной кооперации промышленный комплекс Казахстана, и в особенности его обрабатывающий сектор, не в полной мере ощущают ожидаемого позитивного эффекта. Об этом в значительной степени может свидетельствовать сохраняющийся низкий уровень конкурентных преимуществ промышленности не только на мировых рынках, но и на рынке ЕАЭС. Действительно, оценочные расчеты Индекса выявленного сравнительного преимущества (RCA) в 2012–2014 гг., т.е. до начала реализации ОНПС-1, показали, что казахстанская промышленность, и, главным образом, обрабатывающий сектор производили в основном мало- и совсем неконкурентоспособную продукцию, составляющую более двух третей (68,9 %) от всех охватываемых официальной статистикой видов товаров и товарных групп. Некоторыми сравнительными преимуществами обладали сырье и товары первичной переработки, в свою очередь Казахстан отставал в мировой торговле и в торговле со странами ТС-ЕЭП по товарам конечной переработки и готовой продукции⁵.

В целом можно сказать, что и по итогам реализации ОНПС-1 конкурентные преимущества страны не сильно укрепились. Более того, по сложности экономика Казахстана, в соответствии с оценками мировых рейтинговых агентств, в 2018 г. располагалась на 69 месте, в то время как в 1998 г. – на 43 месте. По итогам 2019 г. ситуация мало изменилась, Казахстан располагался на 68 месте.

Объективно здесь, безусловно, проявляется сложное переплетение воздействия внешних и внутренних факторов, определяющее текущие тренды производственной кооперации в ЕАЭС и общее состояние развития отечественной промышленности. Тем не менее есть основание полагать, что План разработки актов и реализации мероприятий Основных направлений (далее – План) был несколько размытым документом по срокам и мероприятиям и загроможденным излишними направлениями и задачами на относительно короткий, фактически четырехлетний срок ОНПС-1.

В этой связи можно сослаться на мнение Б. Шевченко о том, что «имеющиеся сложности в развитии Союза, во-первых, обусловлены особенностями внутреннего развития государств-членов, несовпадением их экономических интересов, стремлением защитить внутренний рынок и отечественных производителей. Аналогичные сложности можно наблюдать и в условиях интеграционного Европейского Союза. Во-вторых, они связаны с особенностями экономической турбулентности в глобальной экономике, большой волатильностью финансовых и энер-

⁵ АО «Казахстанский институт развития индустрии» (2015). Исследование в области развития приоритетных секторов экономики по вопросам основных направлений промышленного сотрудничества стран ЕАЭС.

гетических рынков, сложной внешнеполитической конъюнктуры, что в условиях высокой взаимозависимости особенно болезненно отражается на развивающихся экономиках» [1, с. 317].

Вместе с тем не может не сложиться определенное понимание того, что имеет место и действие субъективного начала в процессах наднационального регулирования, приводящего к состоянию его разбалансированности по целям, задачам и приоритетности их решения. Как результат, далеко не все мероприятия Плана по ОНПС-1 были реализованы в полной мере и в установленные сроки, что вызвало, на взгляд автора, необходимость их «подтягивания» в буферном 2020 г. перед формированием ОНПС-2.

В частности, по итогам реализации ОНПС-1 в целях повышения эффективности промышленного сотрудничества в рамках Союза, развития и углубления промышленной интеграции на новую пятилетку было запланировано развивать ряд направлений, среди которых можно выделить следующие:

- создание равных условий хозяйствования для предприятий государств – членов ЕАЭС в целях сохранения и развития промышленной кооперации;
- развитие в соответствии с национальным законодательством механизмов стимулирования национальных компаний, участвующих в промышленной кооперации⁶.

Принципиальная их важность заключается в отходе от макроэкономической стратегии к стратегии реальных действий на микроуровне экономики – предприятий, что должно максимально способствовать повышению конечной эффективности кооперации на основе наиболее полной реализации межстрановых и межрегиональных производственно-технологических связей.

По мнению авторов, подобный стратегический подход был неизбежен, поскольку за годы реализации ОНПС-1 целевая установка на формирование полноценных цепочек добавленной стоимости не была достигнута.

Безусловно, определенные шаги в направлении практической интеграции промышленных комплексов на основе реализации межгосударственных цепочек добавленной стоимости предпринимались. Так, еще на начальном этапе развития Союза по линии Комиссии проводились научные исследования, в соответствии с которыми предполагалось использовать меры для модернизации и адаптации торговой, в первую очередь таможенной, политики с целью повышения эффективности участия стран – членов ТС и ЕЭП в глобальной системе ЦДС⁷.

Тем не менее за эти годы практически не было создано ни одной ЦДС, иначе и быть не может, если нет логически выстроенной объективной базы для выбора приоритетных отраслей и производств, не говоря уже о потенциале формирования ЦДС на их основе.

По нашему мнению, ЦДС являются собой исключительно ключевой механизм реальной промкооперации, на их формирование должна работать вся система мер

⁶ Евразийская экономическая комиссия (2020). Доклад о результатах мониторинга рынка промышленной продукции в рамках Евразийского экономического союза. С. 117.

⁷ Евразийская экономическая комиссия (2015). НИР: Комплексная оценка потенциала и перспектив участия государств – членов ЕАЭС в глобальных цепочках добавленной стоимости, необходимых системных изменений таможенно-тарифной политики, направленных на содействие встраиванию государств – членов ЕАЭС в такие цепочки.

и институтов, как определенных в рамках ОНПС-1, так и развиваемых в ныне действующей ОНПС-2.

В мировой практике в рамках одной глобальной ЦДС выделяют как *восходящие*, так и *нисходящие связи*, которые и определяют характер и степень участия стран в ЦДС. В частности, восходящая модель предполагает, что страны преимущественно занимаются экспортом природных ресурсов, деталей и компонентов, а затем, после их переработки за рубежом, импортируют конечные товары. При нисходящей же модели страны, наоборот, занимаются финальной переработкой импортируемых промежуточных компонентов и последующим их экспортом за рубеж.

Подход на основе нисходящей модели целесообразно развивать в схемах Евразийской промкооперации, гармонично совмещая участие предприятий государств – членов Союза. В более конкретной плоскости активизация кооперации видится сквозь призму следующих положений:

– *стороны формируют межгосударственные ЦДС, связанные с производством совместной продукции (или товары Союза)*. В качестве инициаторов могут выступать российская и казахстанская стороны, имеющие давние традиционные экономические связи. Именно это имел в виду Президент Казахстана К. Токаев, высказав на Петербургском международном экономическом форуме 17 июня 2022 г. мысль о том, что Казахстан и Россия могут вывести на качественно новый уровень промышленную кооперацию;

– *в эти межгосударственные ЦДС вовлекаются предприятия стран – участниц Союза*.

На выходе из этих ЦДС совместно произведенная продукция экспортируется на мировые рынки либо вовлекается в мировые глобальные цепочки создания стоимости.

Однако в этом направлении имеют место нюансы.

Прежде всего необходимо окончательно определиться с концептом «совместно произведенная продукция» (СПП). Парадоксальность ситуации заключается в том, что концептуальные положения организации производства подобных товаров были сформулированы раньше, чем определились с самим понятием СПП. Действительно, лишь 16 апреля 2020 г. Коллегия ЕЭК определилась с рекомендациями, что относить к СПП, а это, по мнению авторов, достаточно «туманно и расплывчато» для конкретных задач промышленной кооперации.

Также остаются нерешенными вопросы стимулирования заинтересованности в участии подобных производств государств – членов Союза, имея в виду прежде всего принципы справедливого распределения доходов от реализации СПП на внешних рынках. В частности, если иметь в виду ныне устанавливаемые доли государств-членов в распределении доходов от торговых пошлин.

В этом отношении опять же Президент Казахстана в интервью телеканалу «Россия 24» от 15 июня 2022 г. особо подчеркнул, что «интеграция – очень сложный труд, который требует взаимных компромиссов, ведь каждая страна считает необходимым отстаивать свою позицию. Если этого не будет, то с неизбежностью встают вопросы о целесообразности подобной интеграции».

Из мировой практики следует, что интеграционные производственные процессы могут развиваться в двух организационных формах: *горизонтальной кооперации* и *вертикальной интеграции*. В первом случае речь может идти о расширении производственных связей между предприятиями интегрируемых стран, во втором – о выстраивании вертикали объединения и подчиненности предприятий единому менеджменту со всеми вытекающими последствиями, включая их полное поглощение, что определяет немалые риски для национальных экономик.

Нам приходилось в ранней публикации писать о том, что в рамках Союза для стран-участниц актуальна именно горизонтальная форма межгосударственной межотраслевой кооперации, обеспечение которой сопряжено с решением двуединой задачи: *неуклонное движение в сторону реальной кооперации и соблюдение при этом национальных интересов*. Вторая задача исключительно важна, поскольку связана с курсами неуклонного развития экономик стран Союза по пути индустриально-инновационного развития.

В этой связи при развитии кооперации исключительно важно соблюдать следующие принципы:

- соблюдение взаимовыгодного паритета в производственных и финансовых взаимоотношениях для экономических субъектов (предприятий) государств – членов Союза, участвующих в формировании и развитии ЦДС;
- обеспечение равной конкурентоспособности кооперируемых предприятий на национальных и общем рынке Союза;
- исключение искусственных барьеров в торговле между государствами – членами Союза [2, с. 142, 143].

На взгляд авторов, эти принципы должны быть незыблемыми и находиться в зоне особого внимания наднационального регулятора. В то же время анализ процессов развития Союза на всех этапах своего становления в какой-то степени может убеждать во мнении, что наднациональный регулятор в лице Комиссии все более отходит от основной деятельности, ориентируя общее развитие в направлениях, несколько противоречащих вышеозначенным принципам.

В частности, имеет место практика внесения излишне избыточных предложений, уводящих в сторону от последовательного движения к намеченным целям. К подобным можно отнести настойчиво навязываемое Комиссией предложение о формировании общей промышленной политики, что, на наш взгляд, идет вразрез с национальными интересами по проведению собственной политики промышленного развития и может вступать в противоречие с нормами статьи 92 Договора о ЕАЭС.

Более целесообразным представляется привязывать не к выбранным априори технологическим цепочкам определенные априори отраслевые приоритеты национальных промышленных комплексов, но, скорее, наоборот – формировать только такие технологические цепочки, которые позволяют в максимально возможной степени развивать конкурентные преимущества национальных промышленных комплексов и промышленности объединения в целом. О чем и шла речь несколько выше, в контексте вопросов ЦДС.

Также можно отметить, что Комиссией настойчиво продвигается расширение своих полномочий по наднациональному регулированию за счет таких сфер,

как здравоохранение, образование и другие социальные направления развития. В этом, на взгляд авторов, видится существенный риск для экономической повестки интеграционного объединения.

И здесь уместно сослаться на мнение Главы казахстанской стороны К. Токаева о переливании Комиссией «из пустого в порожнее», сказанное им на заседании Высшего экономического Совета ЕАЭС в мае 2022 г.

Наконец, немаловажно определиться с механизмом и инструментами оценки регулирующего воздействия на процессы подготовки и принятия решений в рамках деятельности ЕЭК. Практика показывает, что Комиссия зачастую берет на себя несвойственные функции, выходящие за пределы компетенций, несмотря на то обстоятельство, что в соответствии с положениями Договора о ЕАЭС роль Комиссии регламентируется лишь задачами создания благоприятных условий для развития процессов Евразийской интеграции.

Как отмечает Б. Шевченко, «при всех очевидных положительных результатах работы ЕЭК, механизм принятия решений утяжеляет систему управления и усложняет бюрократические процедуры принятия решений, а это, в свою очередь, требует регулярного мониторинга норм управляемости и ревизии стандартов и процедур. Причем процесс формирования ЕЭК до сих пор не в полной мере учитывает национальные интересы всех участвующих сторон. Кроме этого, механизм формирования Коллегии Комиссии недостаточно прозрачен и усугубляется недостаточной проработкой остальных факторов. ЕЭК за период своей работы, с одной стороны, обеспечила высокий уровень интеграционного взаимодействия, а с другой – не преодолела тех указанных ограничений для выработки эффективных механизмов обеспечения баланса национальных и наднациональных интересов» [1, с. 314, 315].

В этой связи представляется целесообразным исключить практику игнорирования предложений одних государств-членов и лоббирования интересов других государств – членов Союза, а также направить прежде всего усилия на формирование и реализацию мер, создающих условия для существенного повышения качественных аспектов производственной кооперации.

В настоящее время, в условиях возрастающего санкционного давления на российскую экономику, со стороны Комиссии наблюдается тенденция ускоренной проработки с государствами – членами Союза важных стратегических документов. При этом сводные департаменты Комиссии зачастую охватывают вопросы, не входящие в их компетенцию, и выносят предложения на обсуждение со Сторонами без предварительного согласования с отраслевыми департаментами ЕЭК. Как известно, подобные случаи имели место быть при проработке таких важных документов, как План мероприятий по реализации Стратегических направлений развития Евразийской экономической интеграции до 2025 г., утвержденный распоряжением Совета ЕЭК №4 от 5 апреля 2021 г., проект «Дорожной карты ЕАЭС в рамках Климатической повестки» и иных документов.

Подобная разбалансированность в механизмах Комиссии значительно усложняет рассмотрение документов в соответствующих государственных органах, и прежде всего в министерствах промышленности государств – членов Союза,

и создает излишние риски по принятию в рамках ЕАЭС непроработанных документов.

Здесь трудно не согласиться с мнением Г. Осадчей и М. Варгановой, что «успех интеграции в ЕАЭС во многом будет зависеть от понимания и желания всех сторон активно продвигать интеграционные реформы. Разумеется, что интегрироваться и снимать ограничения, обеспечивая тем самым четыре свободы движения – товаров, услуг, капитала и рабочей силы – необходимо постепенно. Подходить к открытию национальных экономик следует осторожно и взвешенно, чтобы это не наносило ущерб национальной экономике и не создавало бы угрозы экономической безопасности.

Участие в интеграционных процессах на уровне межгосударственных объединений не должно приводить к негативным последствиям, а, напротив, должно укреплять позиции национального производителя, способствовать наполнению рынка качественной и безопасной для человека продукцией» [3, с. 622, 623].

Надо признать, что в последнее время политические аспекты все более выходят на передние позиции, оттесняя сугубо экономическую повестку.

В этой связи представляет определенный интерес изучение мнений экспертного сообщества о соотношении всех аспектов, и, прежде всего, политических и экономических, в развитии крупнейших мировых интеграционных объединений стран мира [4–11].

Исходя из анализа опыта развитых объединений, можно сделать вывод, что общим принципом для объединений является укрепление изначально через экономическое сотрудничество национальных конкурентных преимуществ и затем последовательное решение и политических аспектов интеграции, направленных на укрепление позиций объединений в мировом сообществе без рисков и ущерба для национальных интересов государств – членов этих объединений.

В целом можно полагать, что этот общий для эффективных мировых и субрегиональных объединений стран принцип должен быть положен в основу развития ЕАЭС, что гарантирует сбалансированность экономических и политических аспектов в развитии этого интеграционного союза.

В свете вышесказанного по мнению авторов, представляется важным при решении задач обоснования перспектив развития Союза *опираться на научные методы анализа и прогнозирования.*

Нельзя сказать, что в ЕЭК не уделяют внимания вопросам совершенствования научно-методического обеспечения. Так, еще на предварительной стадии процессов формирования ЕАЭС в рамках научно-исследовательских работ предпринимались подобные попытки. В частности, в рамках некоторых НИР почти десятилетней давности ставилась задача построения среднесрочных прогнозов развития экономик Беларуси, Казахстана и России на вариантной основе по единой методологии, основанной на разработанной балансовой модели в структуре системы национальных счетов.

Вместе с тем Комиссия констатирует, что результаты подобных исследований не дают должного эффекта. В частности, актуализируется, что «привычные модели с высоким уровнем редукции, транслирующие в будущее ряд неизменных системных свойств, которые по факту существенно меняются, не позволяют добиться удовлетворительных результатов прогнозирования. Подходы на основе

субъективных оценок также показывают свою ограниченность, и что в этом контексте поиск методологий и методов прогнозирования становится ключом к динамической экономической безопасности и долгосрочной жизнеспособности стран и их объединений»⁸.

Не менее важно осознание того факта, что на основе выполненного анализа в рамках НИР по линии ЕЭК текущего уровня кооперации стран ЕАЭС в инновационной сфере констатируется недостаточная вовлеченность стран в обмене результатами научных исследований и разработок, а также немалый уровень потерь стран ЕАЭС от недостаточной эффективности исследований и разработок, который выражается, среди прочего, в снижении потенциала доходов от экспортной деятельности⁹.

Весьма примечательно, что при этом предпринимаются попытки использовать такой экономико-математический инструментарий, как межстрановые таблицы «затраты-выпуск» для ЕАЭС. Надо признать, что это сложная задача, если учесть, что не во всех государствах – членах Союза официальные статистические органы разрабатывают схемы национальных межотраслевых балансов (МОБ), которые и могут быть положены в основу МОБ ЕАЭС.

Нам уже приходилось высказывать мнение о том, что полезно вспомнить опыт экономико-математических исследований пространственного аспекта экономических систем, проводимых, на наш взгляд, весьма успешно во времена плановой экономики, в том числе и на основе известной оптимизационной межрегиональной модели «затраты-выпуск» (ОМММ), разработанной в ИЭ и ОППСО РАН в Новосибирске, и этот концепт можно было бы вполне применить и в подкрепление научно-методического инструментария ЕАЭС [2, с. 144–146].

Вне всяких сомнений, формирование системного прогнозно-аналитического инструментария позволит создать базу для принятия эффективных и сбалансированных с позиций интересов стран-участниц решений в рамках Евразийского экономического союза.

Список литературы

1. **Шевченко Б. И.** ЕАЭС: противоречия интеграционного взаимодействия // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. Том 4. № 2. С. 313–319.
2. **Кусаинов Х. К.** Нюансы теории и практики евразийской интеграционной идеи // Мир экономики и управления. 2020. Т. 20, № 3. С. 139–147.
3. **Осадчая Г. И., Варганова М. Л.** Трудности экономической интеграции государств – членов ЕАЭС и возможности их преодоления // Экономические отношения. 2018. Том 8. № 4. С. 617–628.

⁸ Евразийская экономическая комиссия (2021). НИР: Формирование научно-методических основ долгосрочного прогнозирования экономического развития Евразийского экономического союза до 2035 года.

⁹ Евразийская экономическая комиссия (2021). НИР: Оценка макроэкономического потенциала выпуска продукции в Евразийском экономическом союзе и анализ перспективных направлений формирования цепочек добавленной стоимости в целях повышения потенциала выпуска и обеспечения условий для научно-технологического прорыва Союза.

4. **Вагапова Д. Ф.** НАФТА: влияние интеграции на конкурентоспособность стран-членов // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 10. С. 94–108.
5. **Глухарев Л. И.** Политические компоненты развития Евросоюза // Современная Европа, 2003, №2. С. 23–34.
6. **Громогласова Е. С.** Принципы демократии в системе управления ЕС // В сб. Интеграционные процессы в современном мире: экономика, политика, безопасность (Мировое развитие. Выпуск 2). Отв. ред. Ф. Г. Войтоловский и А. В. Кузнецов. М.: ИМЭМО РАН. 2007. С. 109–115.
7. Евразийская экономическая комиссия. Анализ стратегий интеграционного сотрудничества (моделей реализации интеграционного потенциала) наиболее известных интеграционных объединений мира. Москва. 2014. 33 с.
8. **Колдунова Е. В.** «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН // Вестник МГИМО. Сер. «Международные процессы». 2017. Том 15. № 3(50). С. 55–66.
9. **Шарашидзе А. З., Илларионова М. О., Лабзова Д. А., Простомолотова В. И.** НАФТА: проблемы и перспективы интеграционного развития // Экономика и предпринимательство, 2017, № 3-2(80). С. 136–140.
10. **Николаева И. Г.** Разрешение споров в рамках Североамериканской зоны свободной торговли // Юридическая наука. 2017. № 5. С. 143–156.
11. **Leifer M.** The ASEAN Regional Forum // Adelphi Paper. 1996. No. 302. London: International Institute for Strategic and International Studies.

References

1. **Shevchenko B. I.** The EEU: Contradictions of integrative interaction. *Vestnik RGGU*. Series “Political Science. History. International Relations”. 2017. 4(2). pp. 313–319. (in Russian)
2. **Kussainov Kh. K.** Nuances in Theory and Practice of the Eurasian Integration Concept. *World of Economics and Management*, 2020, vol. 20, no. 3, pp. 139–147. (in Russ.)
3. **Osadchaja G. I., Vartanova M. L.** Difficulties of economic integration of the EAEU member states and the possibilities of overcoming them, *Journal of International Economic Affairs*, 2018, vol. 8(4), pp. 617–628. (in Russ.)
4. **Vagapova D. F.** NAFTA: The impact of integration on the competitiveness of member countries, *Russian Foreign Economic Bulletin*, 2011, no. 10, pp. 94–108. (in Russ.)
5. **Gluharev L. I.** Political components of the development of the European Union. *Contemporary Europe*, 2003, no. 2, pp. 23–34.
6. **Gromoglasova E. S.** Principles of Democracy in the EU Governance System, Integration processes in the modern world: economics, politics, security (World development, iss. 2), Ans. ed. – F. G. Vojtlovskij and A. V. Kuznesov, Moscow, IMEMO RAS, 2007. Pp. 109–115. (in Russ.)
7. Eurasian Economic Commission. Analysis of integration cooperation strategies (models for the implementation of integration potential) of the most famous integration associations in the world. Moscow, 2014. 33 p. (in Russ.)

8. **Koldunova E.V.** “Dialogue partnerships” in ASEAN’S external relations, *Vestnik MGIMO, Ser. International processes*, 2017, vol. 15, no. 3(50), pp. 55–66. (in Russ.)
9. **Sharashidze A. Z., Ilarionova M. O., Labzova D. A., Prostomolotova V. I.** NAFTA: Problems and prospects of integration development. *Economy and entrepreneurship*, 2017, no. 3-2(80), pp. 136–140.
10. **Nikolaeva I. G.** Dispute Resolution in the North American Free Trade Area. *Legal science*, 2017, no. 5, pp. 143–156 (in Russ.);
11. **Leifer M.** The ASEAN Regional Forum. *Adelphi Paper*, 1996, no. 302.

Информация об авторах

Хаслан Камекович Кусаинов, доктор экономических наук, профессор, академик МАИИ

Салтанат Абдиманап кызы Жумабекова, кандидат экономических наук, руководитель дирекции АО «Казахстанский центр индустрии и экспорта “QazIndustry”»

Information about the Authors

Khaslan K. Kussainov, Doctor of Sciences (Economic), Professor, Academician MAIN, Astana, Republic of Kazakhstan

Saltanat Zhumabekova Ph.D. of Economic Sciences, Head of Directorate of «QazIndustry» Kazakhstan Industry and Export Center JSC, Astana, Republic of Kazakhstan

Статья поступила в редакцию 12.10.2022;
одобрена после рецензирования 16.11.2022; принята к публикации 26.11.2022

The article was submitted 12.10.2022;
approved after reviewing 16.11.2022; accepted for publication 26.11.2022